

— Опять же соглашусь. А дальше смотрим рейтинги, что именно выбирает для просмотра большинство...

— Смещу угол зрения. Вредоносное на экранах живёт не в виде «Смехопанорамы» или реприз Петросяна. Оно наступает на нас в истерическом иступлении политических ток-шоу, сеющих раздражение и ненависть ко всему, что смеет жить по иным законам.

— Разве эти политические шоу не строятся на приёмах китча?

— Нет, это не китч. Это пропаганда и циничные технологии манипуляции. Это как раз абсолютная уверенность в том, что только мы — и только мы — владем истиной.

— Мы вернулись к исходному: что тогда китч и что является его противоположностью?

— Не готов выдать академическое определение. Но описательное примерно таково: китч — это явление повседневной культуры, для которого характерны преувеличенные яркость, чувствительность, сентиментальность. Это сосредоточенность скорее на категории «милого», нежели возвышенного и прекрасного. Я считаю, что популярность этого явления имеет очень глубокие корни в человеческой природе. Мне видится, что китч связан с миром детских впечатлений, когда ты видишь мир как будто сквозь увеличительное стекло — яркие краски, несколько утрированные формы. Это то, что сегодня часто называют «милотой».

А противоположности китчу... Да нет в культуре абсолютных противоположностей. Снова обратимся к метафоре картографии культуры: всё соседствует. Здесь, допустим, страна Курентзиса с его интерпретациями классической музыки и романтическим культом гения. А рядом — страна Фредди Меркьюри, типичное, к слову сказать, кэмповское явление. Рядом — фолк-музыка. А я могу путешествовать, как мне заблагорассудится, и напоследок, к примеру, заглянуть на уютную кухню китча и послушать про белые розы.

— То есть полярностей не существует?

— Между областями культуры достаточно сложные взаимоотношения, которые следует рассматривать в исторической динамике. Но между ними нет непреодолимых стен. Всё исторически меняется, наши понятия и идеи эволюционируют.

(Пауза.) Думаю, я несколько утрирую, последовательно проводя линию, что взял в начале беседы... понимаете?

— Это я как раз очень понимаю, Владимир Васильевич. Я ведь занимаюсь ровно тем же. Таким образом выстраивается драматургия диалога, его архитектура, если угодно.

— Продолжу. Да, я склоняюсь к тому, что нужно спокойно и снисходительно относиться ко всем областям культуры. Нет, не так — не снисходительно. С любопытством. Простой пример: европейец, воспитанный в традициях строгого минимализма, сочтёт традиционное китайское искусство китчем — слишком ярко, слишком узорчато... Меж тем это — иная культура. Хорошо бы понять её язык, не так ли? Те же открытки с котиками, умильная фарфоровая мелочь, эстетика дембельского альбома. Есть в них своеобразная прелесть, не находите? Если эти языки взять в кавычки, они превратятся в элементы постмодерна. Как в работах Джеффа Кунса. Вы же не призываете всё это сжечь? Или собрать покупателей этих вещичек и насильно загнать, к примеру, на симфонический концерт. В этом мы с вами сходимся, правда?

— Сходимся. Насильно ничего не получится. На протяжении истории человечества кто только не пробовал это сделать. Ни разу не вышло ничего хорошего. Однако вы говорите про иронию... Она неизменно будет возникать, как только мы начнём забирать тех котиков в кавычки. Так ли хороша ирония? Она не даёт точки опоры.

— Дело в уместности. Надо чувствовать, где ирония допустима, а где нет. Есть вещи, к которым бессмысленно относиться иронично, к которым нужно относиться страшно серьёзно, потому что тебе не отвертеться от них, сколь бы ты ни иронизировал, как бы ни играл. Это болезнь. Это смерть. Это любовь. Они напоминают нам об экзистенциальном измерении жизни. Игра, ирония — это стиль, форма. А есть большие ценности — это стержень, содержание. Постмодернизм прекрасно это понимает. Но не впадает в учительный пафос, рассуждая на эти темы.

— Жизнь человека, который не умеет ставить те пресловутые культурные кавычки, беднее?

— Не думаю.